

Яковлев Б. Г.
Дек. 1954 - май 1955

ТЕТРАДЬ

по _____

учени _____

_____ класса

_____ школы

ЯЛОВСКИЕ
Будни.

(цикл Сухов).

декабрь 1954 г. — май 1955 г.

Строки о „Яловской Индее“

„Яловской Индией“ зовут
На Брянищине одно селенье,
Точнейшее определение.
И как ни удивишься тут:
Язык народа мягок, точен,
Порой удивительно отточен.

На ровном месте, близ борот,
Лежит Яловка. Пусто, голо,
Кейгаж, невзрачный, невеселый,
Красот едва ли привлечёт.
Нет ни садов, ни даеще реки.
Бездесье. Топящ торфяни пегки.

Отделена — гласом закон —
От церкви школа. Здесь же рядом
Сидят они — фасад с фасадом,
И гласом заунывный звон,
Тяжелый, прощальный, корокобийный,
Мешает очень в жизни школьной.

Как нужен клуб, в атаку чибоб
Пойди на бопеин обийтерь,
Один лишь борько „просветитель“
На вею Яловку — это поп.
А клуба нет — в гулаке бесеначи
Не мешо разгулу и пельням!

Расейей чубогой мородёжю,
Холоя и школу пелесизает.
Кусь мабеллагину и знает,
Зайо безграмотная епаше.
Три года в школе елесе ханьбузь
Была взамен литературы.

Вздыб прошлый год. То было так:
Что ни урок, то предобаблени:
Напившился до одуренья
Сидит за сюрником чудаки,
Журнал ученику прощел:
„Пэтерки ешавь“ — а ея епавь егань.

И видел союзи деревьев,
Где жизнь цветшей среди изобилия.
А здесь, как и прежде, поручили
Но двести грамм на шурдодемь.
А урожаи какой собрали!
Кто как умер, разворовали.

Уже она с деревьев лисей
расцветки ржавого пельца.
Вдоль ночью вострел. Из обреза
Убий корхозный активный.
Вешал поперек дороги ворам
И дрогнул — изёлкнули зашвором.

Могила снегом замела,
Мороз землю заперузил.
Распутывала тепловой узел,
И кто узнало всё село:
Убийцу повывили гадик,
Обрез же — за иконою набден!

И где не возмущит души
такая дикая? В самом деле,
Скажи же, как же ироглядено,
Но где выне? Добро б в гущи,
У мира на ейшине где-то,
Селенье зашверялось это.

Но в шом-шо и загвоздка шучи:
Не гущи, и с миром свезь всё та же.
В законных Штатах даже
Дловилв плавдеем пивучи.
Совсем недавно свезь держари
И доллары в Дловку слали.

Уму неосейненимо, кто
Кисари или куда Дловизи,
Укрыты, как их же обичи,
О жизни нашей. И никто
Вопросом не задарел ябни.
А это же полюбно дейдм.

Пора! Нельзя так дарить жизнь,
Девка ждёт тебя, Давидов.
Народ здесь самых лучших видов,
Его лишь надо утешить.
Вой рабочий не с медью, и то же
Сам скажешь: "Факт, народ косящий".

Чего хочу? Венцы о чём?
О том, чтоб не было обиды
"Давидов Миди" в политике,
Чтоб бира жизнь и здесь каютом,
Чтоб науч-просветитель и веселье,
Чтоб шкура — насильник шкоро!

Декабрь 1954г.
Давидов.

Был лютый холод, и никто
Не мог решиться снять пальто.
За это многих — сам не свобод —
Директор выгнал вон — домой.

Ушла и девочка одна.
В пальёрках вез, скромна, чина.
Обещала сказать: "Что рано так?"
И в шкору: "Мне узнавать как
температуру в классе зимой,
Где дочка учится, — в седьмом."
Директор вешел — и в обиды
послышался переный бред:

"Ах ты, неведька, ах нахал,
Обида вдруг такая нрав?
Недавно лапидар изи хлеба,
А нынче — что? — меня чить?!"

И, скончалась вздохом,
Он гаркнул: "Вон отсюда, вон!"
Директор в школе Овечуговой —
Возвращаясь самодур Дикой.

Зачем вы кипучей едуру
Грешно давать либературу,
Когда (сказать не грех в глаза)
Не смыслите в ней ни аза?

декабрь 1954г.

Старшой "под комлёт"

... На заготовке леса бьеди,
Чешари. К Вережу сошлись,
По-дружески поговорила
И поквартирам подалась.

На перке — Белоуче Григорий,
С ним рядом — Камешон Кузьма.
Тепло. Кругом поглаз толпа.
И захватили оба вепоре.

Кузьма прослушал в пономь,
"Сквиль-ка,
Дай закуришь." Безморвен Гришка.
Ручкой пошарил — нещ его.
И смилкой киркич — Никого.

"Ну где ж он? Это за чурбачина?"
Сидан одеваешь Камешон.
"Тут езд каная-шо пригана", —
И вес выходи за порог.

Идет он. В сумраке морозном
Все тихо. Мода сияла давно.

Глядящий Кузьма:
при свете звездном
Его дружки несут бревно.

Кузьма не хотел их обидеть
И осторожно говорит:
"Ребята, вые старшая увидит,
Опомнитесь: ведь он не едит,

Куда-то выше".
Смех раздаст:
Ах, вой не слышь ты общего;
Соседушка и воя поберется —
Ищи-ка под камнем его".

Вам не видашь таких неборщи:
Несут леснику высебром
И, как ведущий, под камнем
Сам старший — Белоча Губарши.

Курьив леснику на урочах,
Курьив ночь до обалдения.
Так Белоча — наш элен урочах —
Долго неслась и трудява.

Февраль 1955,
с. Яловна.

***

Пороб бивает шап у нас,
Скажи-ка медям — зашлюб:
Входят на работу в часе,
Назад в полтревского иду.
Ох, не поглядят по горюхе
Тех, кто работаш в Яловне.

***

Или борщше ничего не шрба,
Или жить воровотко и легко:
Трипрятыв под ногою хлеба,
Молодки душой морозко.

Или ватик к вечеру вешукает,
Домой идти — ох, нелегко.
Так, что ни судни, упиывается
В колхозной дурни молоко.

Понуродуй-ка с такой дозркой
Достиги чешехов шрудовых.
Тучев ей ситда или ебалеб жарко,
И совеев ицев пошурив их.

***

"Ну как, пужок роман?"

— „Нисколько.

Одъ чибенъя пты мнъ уворь-ка.
Страницу лишь деедъв одорел
И снадъ унеаено заходел.

Но я говорю к либературе:
Я по учебнику учу."

"Да пты Обломов по натуре,
Улы подобен Ульму".

***

Личъ тюрочки сурве одни
И те заслужены едва ли.
Что делаеб им, когда они
Роман „Что делаеб?“
Не читают?

Друзей насмешки и упрёки —
Всё нишогин, всё перенёс,
Неш для того, чтоб Куконое
Не оспорил Гя на уроки.

Он, по всему видашь, сокрив
И, как обломочек, ленив.

Урок последний... Рыскабура...
Всё класс на лыжах. Чудный день!
Но что за странная фигура
Взрвал мамки, словно тень?

То наш Арсентий-гуод
Уже "лыжи" навоебрил долгод.

Выбор ни тесали, ни решари.—
Зиллоб, всемоб ли — всё равно;
Закутавшиеся в плашки и шары,
Сидят — все на лицо одно.

Где кто — пошурбуи разберись-ка!
Нунены туи годи — не часы.
Глядишь и — далеко ли, близко —
Везде моргаб одни носы.

18/III-55г. с. Чвелье.

Под курган двоек наш Аброщенно
Кружил и начал пригибать:
"Ох, тынская ты, ноша-ношенька,
Унесль с тобооб все вон шагать?"

***

Мы это скажем правды ради,
Дадь известно было всем:
У Купоноса все идебград
Чем зря замывали совести.
Там хлеба крошки, грехи лепки,
Там пельня пера на виду.
Он их хранит иль на заветке,
Иль дамок под еловуюду
Кладёт, когда обед под носом.
А книги, вечно, у него
Нередно слухат и подносом
Для себя, для сына — для всего.

О горе, горе с Купоносом —
Не любил царь чистоты.
Теснурь к тебе, дружок, с вопросом,
Я обращаю: „А любил ты?“

***

Уверьчив чуть не допешка
В девятый класс — и
У каждого закручено
По двоекке две иль три.

Куда же они кабысь
Той двоенной пятой?
Когда ж они спохватятся,
За ум возьмутся свой?

Наблюд ли, что некое там,
Трусенес ли гордость их?
А ну, увальцы, что же так,
Вы хуже, что ль, других?

***

Он то в извоз, то на базар
Спешил, как будто на пожар,
Спешил дорогою окорной,
Подавшие только бы об шкорной.

Кибо шкорн посетитель редкий
(А ты на че себе мотал),
Тлохис у того отливки,
Тно доказал всем замалтал.

Дорогу снегом запырчило
И, значить, поскорей на шив.
А в школу - не забавишь сирот,
Куда мать - оидых обеснеть!

Кто неградив, ленив, беснеген,
Тому и оидых обеснеть.
Но не завидуй: у шлого
Лишь двойки - больше ничего.

У Белоуса Даншира
Есть пережитки в наши дни.
И лишним грузом, вроде ила,
Леняют на дне души они.
Он девочек не убавляет,
Их пошлостью оскорбляет,
Всех не обидно - советь снеть
И вою штурбид, гурбид, штурбид.
А если друг случится близко,
Еще похварит: мородец.
И не поймут, что это мизко,
Что это подло намошец.

Он, если двойки не исправил,
Себя в конце концов изославил.
"Во - Курное, во - Михаил
Пять двоек, брайцы, обхвайцы!" -
Вздан сиванец говорит по школе
С издевной корной, со смееткой.
Изославивши пичи пошевои,
И снеть будешь пидь гайком.

Но чтоб шланочу не случилась,
Ужею наробно урибей.

Какое-то повештрое:
Под маепою незримаю
Они на геометрии
Ужею угад хинито,
На русском - математикку,
На алгебре - грамматику.

А завидра будешь, видимо,
Двлетие образное,
Явление, как вадели мы,
Довольно неумелное.

Так больше делать не годится...
И я слушаю, друзья, у вас:
Не о таких ли говорите:
Хвосты вытаскивать, а нос чистить.

Есть шайтский подсказчик,
Ребятам, у нас.
Подсказки образны
Увидели сейчас.

Доучели, где вышер
Урок отведать.
Подсказчик удерживал
И — книгу мешать.

И это не едранно:
Видь збод подсказав,
Подсказчик наш ребячий
Сам должен уметь.

И что за карбине,
Всё это ж кончается:
Подсказчик-то — Нина,
К тому ж — Белочка.

***

Когда денурной аккуратно
И кесидно доро ишортны овод,
Тюгза и в крае вайди иурядно —
В проспортны, оветлов, голубов.

Все сделано иурт кесидно по кесидно,
Проксирено, иуройежно все.
И иурядина влакшая на мессе,
И мек севь ошоро кее.

Однано, как это ни случается,
Хоть у него и бравад вест,
Неделю целую поосманной
Денурни — это ли не севд?

***

Десяткласени! Эшов сийх
Звугар пророгееки погда-го.
Запомни: как ушел своих
Тюбе не видевь агтедета
До шов пера, покуда ты.
Не сганешь занимаеф кесидно,
Да будевь вуредь ише ишевно —
Твои не сбудувь мекте.

Десятикрасени! Блисок деев:
Изнамена лавинод грозной
Нахлышут... Ти, пока не поздно,
Возвраще за ум, забудь что лень.
Собрав все волю, сганешь ты
Трудидеф с камедви тиео уюриш —
И ввидееш в мур, борваго, иуробаживш,
Осуществяеф все мекте.

***

Дикитань... Рериги угаром
Дран заражён... В глазах круги...
Он, что ни слово, шепчет в жаром:
"О боже, боже, помози".

Его мораль бошодь не слышит
(кто глук, кого на свете несть),
И дран ошель на двойну пишет.
О если б мать ему сержет,

Что стоил лишь за разум взлететь,
Грамматичу уметь нагадить,
На бога зря не порабатывать,
Глядишь — и будешь шорько петь.